

Л. Н. Толстой

Письма. (1856-1862)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Л. Н. Толстой

Письма. (1856-1862) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 558 с.

ISBN 978-5-4241-0740-5

ISBN 978-5-4241-0740-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

22 апреля 1856 г. он записывает в Дневнике: «Ничего не пишу. Мое отношение к крепостным сильно тревожит меня». На следующий день новая запись: «Вечер у Кавелина... Вопрос о крепостных уясняется. Приехал от него веселый, надежный, счастливый. — Поеду в деревню с готовым писанным проектом». 24-го утром Толстой «набросал конспекты проектов», а вечером слушал проект Кавелина и назвал его «прелестным». 25-го днем он уже у Милютина, который объяснил ему «многое и дал проект о крепостном праве... Написал для себя проект проекта и докладной записки». ¹

«Докладная записка» — это черновое письмо, адресованное министру внутренних дел С. С. Ланскому, в котором Толстой излагал условия освобождения своих крестьян. Его беспокоило то обстоятельство, что имение было заложено в Опекунском совете, поэтому он спрашивал, можно ли ему заключить с крестьянами «контракт», согласно которому он освобождает крестьян и дворовых от всех повинностей помещику, отдает им в полное распоряжение общины по 4¹/₂ десятины земли на тягло и обязует их платить в продолжение 30 лет по 5 рублей с десятины. Это письмо явилось итогом как самостоятельных раздумий Толстого над крестьянским вопросом, так и тех бесед, которые он вел с либеральными деятелями реформы.

Таким образом Толстой на первых порах стремится теоретически «уяснить» для себя вопрос об освобождении крестьян, определить юридически-правовые нормы, на основе которых можно отпустить на волю три сотни своих крепостных. И на этом этапе нужными и полезными для него оказываются деятели «крестьянской реформы» — либералы К. Д. Кавелин и Н. А. Милютин, выступающие в роли главных консультантов Толстого по крестьянскому вопросу. Кавелин еще в марте 1855 г. составил «Записку об освобождении крестьян в России», в которой предусматривалось освобождение крестьян с наделением землей. Эта «Записка» и явилась, видимо, основой для его беседы с Толстым.

16 мая Толстой получает отставку, а 17-го уезжает в Москву, где попадает в среду Аксаковых, Хомяковых, Киреевских. Отвергая в целом доктрину славянофилов, отмечая ее схоластичность и ограниченность, писатель склонен признать наличие

¹ Т. 47, стр. 69.

в их учении «серьезных истин», таких, как «семейный быт, община». ¹

«Крестьянский вопрос» явился главной темой «спора Толстого с славянофилом К. Аксаковым и с западником С. Д. Горчаковым. Утверждение последнего, что «самый развратный класс крестьяне», ² вызвало горячий отпор писателя.

Таким образом в течение апреля и мая 1856 г. в Петербурге и Москве Толстой неотступно занят вопросом об освобождении крестьян. Он ознакомился со взглядами различных социальных групп на разрешение «крестьянского вопроса».

Немедленно по возвращении в имение Толстой занялся практическим разрешением вопроса об освобождении своих крестьян. Он был убежден, что облагодетельствует своих крестьян, но последние отнеслись к его «проекту» холодно и не дали никакого определенного ответа, а дальнейшие настойчивые попытки Толстого перевести их с барщины на оброк или добиться заключения с крестьянами «контракта» вызвали в их среде все более и более нараставшее чувство сопротивления и враждебности к барину. И он с раздражением заносит в Дневнике: «Не хотят свободу». ³ Крестьяне же, твердо убежденные, что «в коронацию все крепостные получают свободу» и, может быть, всю помещичью землю без всякого выкупа, видели в его предложениях «одно желание обмануть, обокрасть их». ⁴ Через каких-нибудь десять дней от веры Толстого в спасительные «проекты» не осталось и следа.

В непосредственном общении с крестьянами писатель остро почувствовал, что над дворянством нависла угроза новой пугачевщины. В этой атмосфере и возникло письмо к Д. Н. Блудову, в котором с исключительной яркостью были выражены политические взгляды Толстого-пятидесятника, его сословно-дворянские интересы. В нем вызывают протест крестьянские притязания на всю помещичью землю, выраженные в формуле: «Мы ваши, а земля наша», он готов согласиться лишь на частичную передачу земли крестьянам, да и то за выкуп. «Деспотизм помещиков породил уже деспотизм крестьян; когда мне говорили на сходке, чтобы отдать им всю землю, и я говорил, что тогда

¹ Т. 47, стр. 70.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Т. 5, стр. 255.

я останусь без рубашки, они посмеивались, и нельзя обвинять их, так должно было быть».

По мысли писателя, «историческая справедливость» требует сохранения собственности на землю за помещиками.

Естественно, что яснополянские мужики отвергли все его «предложения». Толстой растерян и напуган упорным сопротивлением мужиков, ему чудится уже «изменническая рука», которая может с минуты на минуту подложить «огонь бунта», и тогда все здание дворянско-сословной монархии будет охвачено пожаром восстания. Он винит во всем правительство, которое «обходит» этот первостепенной важности вопрос. Для спасения дворянства необходимо скорейшее освобождение крестьян. «Теперь не время думать о исторической справедливости и выгодах класса, нужно спасти всё здание от пожара, который с минуты на минуту обнимет его. Для меня ясно, что вопрос помещикам теперь уже поставлен так: жизнь или земля». По мнению писателя, необходимо возможно скорее «определить» собственность земли за помещиками и освободить крестьян без земли: «время не терпит». «Ежели в 6 месяцев крепостные не будут свободны — пожар».

«Истины» славянофилов, месяц назад казавшиеся Толстому «серьезным», теперь тускнеют в его представлении; он постигает, что славянофильские понятия «община», «мир» лишены какого-либо реального содержания, живой русский мужик далек от пряничного мужика славянофилов. «Уж поговорю я с Славянофилами, — сообщает он Некрасову 12 июня 1856 г., — о величии и святости сходки *мира*. Ерунда самая нелепая».

Но и советы «умных», либералов Кавелина и Милютина, несколько не помогали разрешению вопроса. «Как я занялся делом в подробности и увидал его в приложении, — писал Толстой Ковалевскому 1 октября 1856 г., — мне совестно вспомнить, что за гиль я говорил и слушал в Москве и Петербурге от всех *умных* людей об эманципации... Вопрос стоит вовсе не так, как полагают *умные*: как решить лучше?.. а как решить скорее?»

Толстому в высшей степени было присуще понимание возможности народного восстания против крепостничества. Отсюда у него такой взволнованный и тревожный тон и в письмах и в разговорах при встрече с друзьями и знакомыми этой поры.

Мысль о восстании, видимо, беспокоила его постоянно. 8 января 1857 г. он делает характерную запись в Дневнике, направленную в адрес правительства: «Помянут мое слово, что через 2 года крестьяне поднимутся, ежели умно не освободят их до этого времени». ¹ Эти предположения Толстого не являлись простым отражением боязни за судьбы дворянства — они свидетельствовали об огромной социальной чуткости писателя, потому что в стране действительно назревала революционная ситуация. Он видел, что жизненные интересы крестьян, их сокровенные чаяния, их самые глубокие и давние стремления к свободе органически сочетаются с желанием получить помещичью землю. В пятидесятые годы Толстой не разделял крестьянских интересов, напротив, он выступал с защитой дворянско-сословных интересов, и его оппозиционные «выпады» против правительства шли в этом же направлении.

31 августа 1858 г. Александр II, будучи в Москве, принял представителей московского дворянства и, напомнив им о своей речи, произнесенной более двух лет назад, выразил неудовольствие медленными действиями московского дворянства в деле подготовки освобождения крестьян.

Несколько месяцев спустя, а именно 12 декабря 1858 г., Толстой напишет «Записку о дворянском вопросе» и, никому не показывая ее, сожжет. По дошедшему до нас черновому наброску мы можем заключить о причинах, побудивших его уничтожить записку.

Записка была написана в резко полемическом тоне. Толстой защищал дворянство от обвинений царя. По его мнению, дело освобождения крестьян было подготовлено исторически только усилиями «образованного сословия». «Только одно дворянство со времени Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и не тайных обществах, и словом и делом. Одно оно посылало в 25 и 48 годах, и во всё царствование Николая, за осуществление этой мысли своих мучеников в ссылки и на виселицы, и несмотря на всё противодействие правительства, поддержало эту мысль в обществе и дало ей созреть так, что нынешнее слабое правительство не нашло возможным более подавлять ее». ²

¹ Т. 47, стр. 109.

² Т. 5, стр. 268.

В этой тираде следует выделить необычную для Толстого, но крайне примечательную апелляцию к дворянским революционерам, борцам с крепостничеством.

Вспомниая дворянских революционеров в момент интенсивной подготовки «реформы», писатель воздавал должное их заслугам в деле освобождения народа от крепостничества, но он ошибался, когда в полемическом плане, противопоставляя дворянство царю, писал, что «не он, а дворянство подняло, развило и выработало мысль освобождения», забывая при этом о народе, самом главном и последовательном борце против крепостничества. «Записка» оканчивалась знаменательными строками, написанными в крайне язвительном тоне: «Ежели бы к несчастью правительство довело нас до освобождения снизу, а не сверху, по остроумному выражению государя императора, то меньшее из зол было бы уничтожение правительства». ¹ Однако резкость постановки вопроса скорее характеризовала крайнюю степень раздражения, но не определяла его политических убеждений; это и явилось, видимо, главной причиной уничтожения «нецензурной» записки. В письмах и дневниковых записях писателя этой поры, напротив, преобладали высказывания, свидетельствовавшие о том, что он являлся принципиальным противником насильственных методов разрешения социальных вопросов.

Мы задержались на характеристике отношения Толстого к «крестьянскому вопросу» потому, что общественно-политическая позиция писателя определяла его место и роль в литературно-политической борьбе эпохи, своеобразно окрашивала его литературно-эстетические высказывания, обуславливала проблематику художественного творчества и даже его читательские вкусы, симпатии и антипатии.

2

21 ноября 1855 г. Толстой, приехав в Петербург и остановившись у Тургенева, сразу же попал в среду писателей, объединенных вокруг одного из лучших журналов эпохи — «Современника». С Некрасовым он уже переписывался до встречи и знал высокое мнение поэта о своем таланте. Турге-

¹ Т. 5, стр. 270.

нев также писал Толстому и выражал желание познакомиться с ним. На следующий день Толстой на обеде у Некрасова знакомится с А. В. Дружининым, 2 декабря — с И. И. Панаевым, 15 декабря — с В. П. Боткиным, в конце декабря — с П. В. Анненковым.

Из всех писателей и критиков круга «Современника» особое значение для выяснения литературно-эстетических взглядов Толстого пятидесятих годов имеют его отношения с Дружининым, Боткиным, Анненковым, и главным образом с двумя первыми. В течение всего 1856 г. Толстой постоянно встречается с ними. В письме к В. П. Боткину 20 января 1857 г. он говорит, что есть у него свой «бесценный триумvirат: Боткин, Анненков и Дружинин, где чувствуешь себя глупым от того, что слишком много понять и сказать хочется». Писатель Елисей Колбасин, сообщая в письме к Тургеневу, что «Дружинин теперь звезда первой величины», писал: «Толстой просто на него чуть не молится. Благоговение, которое он питает к Дружинину как критику, комично в высшей степени».¹ И действительно, Толстой не только читает и расхваливает статьи Дружинина, но, может быть бессознательно для себя, воспроизводит их фразеологию в своих письмах этой поры. Он направляет Дружинину рукопись новой повести «Юность» и решение вопроса о ее дальнейшей судьбе ставит в прямую зависимость от его критической оценки. Естественно, что такой пиетет со стороны Толстого льстил Дружинину, и он продолжал с ним все больше и больше сближаться. «Чем больше узнаю я него и его талант, — писал Дружинин Тургеневу, — тем более я к нему привязываюсь. Вот настоящая юная и сильная натура, русская, светлая, привлекательная и в капризах и в ребячествах».² В таком же тоне говорит и Боткин о своем отношении к Толстому. Он просит Некрасова: «Поклонись Толстому: я чувствую к нему какую-то нервическую, страстную склонность».³

Но что мог получить Толстой от общения с этими литераторами, которых он восторженно именует своим «бесценным триумvirатом»?

¹ «Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 299, 2/XII 1856 г.

² Там же, стр. 193, 13/X 1856 г.

³ «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 189.

Литературно-эстетическая позиция этой группы дворянских либералов с особой яркостью раскрылась в ходе полемики о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе, которая внесла резкое размежевание в лагерь «Современника», наметившееся, впрочем, раньше, в связи с появлением в печати в 1855 г. магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Диссертация Чернышевского явилась подлинным манифестом материалистической эстетики, она утверждала новые демократические принципы развития искусства, говорила об его огромной общественно-преобразующей роли в жизни.

Естественно поэтому, дворянское крыло «Современника» встретило диссертацию Чернышевского с нескрываемой враждебностью, а на ее автора был обрушен поток самой низменной ругани. Противники Чернышевского, однако, не ограничивались только шумным выявлением своих «чувств», они стремились оказать давление на Некрасова, с тем чтобы он согласился на замену Чернышевского Ап. Григорьевым, более близким им критиком. В. П. Боткин писал Некрасову: «Сегодня был у меня Аполлон Григорьев — он непрочь от участия в «Современнике», но с тем, чтобы Чернышевский уже не участвовал в нем... При твоём контроле Григорьев был бы кладом для журнала... Притом он во всем нам ближе Чернышевского». ¹ Тем временем Дружинин взывал к Тургеневу, умоляя его занять более твердую позицию в отношении Чернышевского; он настаивал на том, чтобы Тургенев, Толстой и Боткин «стали господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию». ²

Однако все попытки Дружинина, Боткина, Тургенева вытеснить Чернышевского из «Современника» не имели успеха. Некрасов по своим политическим симпатиям шел в одном русле с революционными демократами, поэтому он в период наиболее острых нападков на Чернышевского передал ему редактирование «Современника».

Дружинин еще осенью 1855 г. перешел в «Библиотеку для чтения», намереваясь как редактор сколотить около этого журнала блок против «Современника». Тургенев связывал

¹ «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. 92—93.

² «Тургенев и круг «Современника», стр. 206, 26/11857 г. •

с этим большие надежды. «Я много жду от «Библиотеки для чтения» под его командой»,¹ — писал он Боткину. Но журнал с приходом Дружинина, глубоко чуждого демократическим идеалам современности, начал выходить с аполитичным лозунгом на обложке: «ohne hast, ohne rast» (без поспешности, без отдыха), и «Библиотека для чтения» вскоре стала сереньким, бесцветным изданием, что дало основание тому же Тургеневу назвать ее впоследствии «темной и глухой дырой».²

Все эти события литературной жизни были хорошо известны Толстому, и он относился к ним далеко не безучастно. В пору своих неудач с разрешением «крестьянского вопроса», 2 июля 1856 г., он написал злое письмо Некрасову, в котором выразил недовольство тем, что редактор «Современника» упустил из журнала Дружинина и высказал свое резкое нерасположение к Чернышевскому. «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть *возмущенным, иселчным, злым* очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому, что человек желчный, злой, не в нормальном положении».

Некрасов, отвечая Толстому, справедливо писал о том, что «здоровые отношения могут быть к здоровой действительности», а русская действительность такова, что дает немало поводов для «искренней злости». Он убеждал Толстого не гасить эти чувства в себе, напротив, «когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину», — в этом была заключена другая концепция, другое решение вопроса об отношении к действительности, характерное для революционной демократии. И если Толстой решал проблему в плане личного самоусовершенствования, развития добрых чувств, то Некрасов высказывал мысль о необходимости преобразования самой действительности.

В разгар борьбы либералов против революционно-демократической линии в развитии «Современника» Чернышевский выступил с циклом статей под общим названием «Очерки

¹ Сборник «XXV лет», стр. 493—494.

² «Вестник Европы», 1885, 4, стр. 496.

гоголевского периода русской литературы». ¹ В этой работе он наносил новые сокрушительные удары по теории «чистого искусства» и идеалистической эстетике, высказывая мысль, что «исключительно идеей прекрасного» не создано ни одного значительного произведения. При рассмотрении литературно-критического наследия прошлого он главное внимание уделяет центральной фигуре сороковых годов — В. Г. Белинскому. Характеризуя этапы философской и эстетической эволюции великого критика, Чернышевский, как идейный наследник и продолжатель его дела, глубоко разрабатывает материалистические идеи Белинского последнего периода, когда его критика «все более и более проникалась живым интересом нашей жизни...» ² По его мнению, только литература передовых демократических идей, связанная с жизнью народа, могла выполнить свою роль одной «из главных сил» в общественном развитии.

Е. Я. Колбасин сообщал Тургеневу, что «Очерки гоголевского периода русской литературы» произвели «остервенелое бешенство на Боткина и Анненкова». ³ И это естественно, ибо они фальсифицировали идейное наследие великого критика, стремились загнать Белинского под дюжинного либерала, совершенно под стать себе, Чернышевский же раскрывал революционно-демократическое и социалистическое содержание учения Белинского — в этом и состоял пафос его «Очерков».

Наиболее фанатичный защитник «чистого искусства» А. В. Дружинин призывал писателей не помнить «зла в жизни» и прославлять «одно благо». ⁴ Таким образом, критик давал решение проблемы соотношения искусства и жизни, диаметрально противоположное тому, которое было развито Чернышевским в своих работах, не «приговор» о явлениях жизни, а восхваление ее, какова бы она ни была — вот задача искусства в его понимании. В статьях Дружинина звучал откровенный призыв к примирению с действительностью, к отказу от разработки в литературе социальных проблем, к бездействию

¹ «Современник», 1855, № 12, 1856, №№ 1, 2, 4, 7, 9—12.

² Н. Г. Чернышевский, «Избранные философские произведения», М.—Л. 1938, стр. 473.

³ «Тургенев и круг «Современника», стр. 284, 18/X 1856 г.

⁴ А. В. Дружинин, Собр. соч., СПб. 1865, т. VII, стр. 59, 60.

искусства. В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наше к ней отношение»¹ Дружинин пытался полемизировать с «Очерками» Чернышевского. Однако его статья, содержащая откровенно реакционные утверждения, не шла ни в какое сравнение со статьями Чернышевского и даже среди лиц, сочувствовавших ему, она получила самую резкую оценку. «...От нее веет холодом и тусклым беспристрастием, — писал Тургенев Колбасину, — этими искусно спеченными пирогами с «нетом» никого не накормишь».²

3

В литературной полемике пятидесятых годов, в спорах о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе, в борьбе вокруг наследства Белинского Толстой выступает вместе с «триумvirатом» против Чернышевского. Оформлявшееся в эти годы этическое учение Толстого отдельными своими сторонами несомненно было близко эстетическим теориям «триумvirата». Толстой решает умышленно искать в жизни «всего хорошего, доброго» и отворачиваться от «дурного», он полагает, что «можно ужасно многое любить не только в России, но у Самоедов».³ Эта проповедь всеобщей любви носила откровенно реакционный характер, означала отказ от борьбы с социальной несправедливостью. В связи с этим ему, естественно, не нравилось, что современные читатели «Гоголя любят больше Пушкина».

Следует сказать, что сам Толстой, чтобы лучше разобраться в происходящей литературно-политической борьбе, все лето 1856 г. перечитывает в новых изданиях Пушкина и Гоголя и поверяет своему Дневнику впечатления от прочитанного. 31 мая он записывает: «Прочел Дон Жуана Пушкина. Восхитительно. Правда и сила, мною никогда не предвиденная в Пушкине».⁴ В майской записной книжке за этот же год мы найдем запись и о Гоголе, отразившую размышления Толстого

¹ «Библиотека для чтения», 1856, №№ 11 и 12.

² Первое собрание писем И. С. Тургенева, Спб. 1884, стр. 37, 14/XII 1856 г.

³ См. в настоящем томе письмо Е. П. Ковалевскому от 1/X 1856 г., № 26.

⁴ Т. 47, стр. 78. См. также в настоящем томе письмо М. Н. Толстой от 5/VI 1856 г., № 13.